

КОПИЯ С ПЛАНА ПЕРВОГО ЯРУСА ВОСКРЕСЕНСКОГО СОБОРА НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОГО МОНАСТЫРЯ АРХИТЕКТОРА И.Ф. МИЧУРИНА. ЧАСТЬ 1

К. В. Акинин
(Москва, Российская Федерация)

Статья посвящена анализу самого раннего из сохранившихся фиксационных планов Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря. Он был составлен архитектором И.Ф. Мичуриным в 1731 году и дошел до нас только в копии середины XVIII века. Это единственный графический источник, позволяющий судить об особенностях структуры первого яруса Воскресенского собора на начальном этапе его существования, до большой перестройки в стиле барокко 1756—1762 годов.

Ключевые слова: план, чертеж, архитектурный чертеж, архитектурная графика, Воскресенский собор Ново-Иерусалимского монастыря, архитектор И.Ф. Мичурин, архитектурные обмеры, фиксационный план, Новое время, барокко

Введение

Важной группой источников по истории Воскресенского собора являются изобразительные материалы, а особенно такая их разновидность, как чертежи. Основное отличие чертежей от других видов изобразительных источников состоит в следовании незыблемым правилам при их составлении — фиксации объекта на основании значительного количества измерений, в строго ортогональном виде и определенном масштабе. Такой изобразительный документ наиболее четко передает общую структуру здания и её характерные особенности в конкретный период времени.

Первым в ряду подобных источников по Воскресенскому собору можно считать копию с плана первого яруса архитектора И.Ф. Мичурина (1700—1763). Этот план-копия — единственный известный в настоящее время чертеж, связанный с многолетним периодом деятельности зодчего по восстановлению Воскресенского собора (1731—1747 годы), но и первый в ряду фиксационных планов здания XVIII—XX веков¹, самый ранний из всех сохранившихся ортогональных масштабных чертежей собора вообще. Данный план является не только ценным источником для детализации истории храма.

Связь чертежа с именем И.Ф. Мичурина позволяет видеть в плане потенциально важный источник для уточнения особенностей работы архитектора в Воскресенском соборе и его отношения к этому выдающемуся памятнику русского зодчества.

1. История изучения и публикации чертежа

План был обнаружен известным исследователем Ю.М. Денисовым в процессе изучения материалов из личного архива архитектора Ф.-Б. Растрелли в собрании Национальной библиотеки в Варшаве [Клименко, с. 165, прим. 23; 3, с. 37]. Следует отметить, что в архиве обер-архитектора была найдена целая подборка фиксационных чертежей Воскресенского собора; кроме копии плана собора И.Ф. Мичурина там были обнаружены два фиксационных чертежа ротонды, имеющие подписи К. Бланка и В. Бернардацци (план первого яруса и разрез).

Изучением и публикацией этих материалов Ю.М. Денисов не занимался. В 1979 году [3, с. 37] ксерокопии, шифры хранения и краткие технические характеристики найденных чертежей были переданы тресту «Мосолбстройреставрация», специалисты которого занимались восстановлением Воскресенского собора. Только после этого в литературе появились упоминания о копии плана архитектора И.Ф. Мичурина. Несмотря на ключевое значение для исследования истории собора, среди имеющихся публикаций нет ни одной работы, где была бы сделана попытка последовательно и всесторонне исследовать рассматриваемый чертеж. Имеющиеся характеристики кратки и отрывисты, имеют разную степень глубины и обоснованности [Клименко, с. 165—166; 1, с. 33; 2, с. 22—23; 3, с. 37—38; 4, с. 28, 32; 5, с. 189; 6, с. 144, 146—148; 7, с. 247; 8, с. 230—231; 9, с. 115].

Илл. 1. Воскресенский собор Ново-Иерусалимского монастыря. Вид с юго-востока.
Довоенная фотография из коллекции автора

В оценке плана предыдущими исследователями не вызывают сомнений только самые общие положения: чертеж действительно относится к 1-й половине XVIII столетия [1, с. 33] и даже с учетом присутствия на нем некоторых купюр [6, с. 146, 147] он является единственным графическим источником, детально фиксирующим структуру Воскресенского собора в период конца XVII — середины XVIII века [6, с. 144, 148]. Впрочем, и эти выводы требуют дальнейшего уточнения и детализации на более широкой и всесторонней фактической базе.

Отдельно следует охарактеризовать историю публикаций плана. Предыдущие авторы исследовали чертеж не столько по ксерокопии Ю.М. Денисова, сколько по ее фотографиям с неё. При определенных недостатках (невозможность в деталях оценить качество графики, полная потеря линейных элементов), качество этих фотографий в целом вполне пригодно для предварительной оценки и публикации плана: все его основные компоненты просматриваются достаточно отчетливо, и, что особенно важно, хорошо читается текст присутствующей на чертеже надписи. Однако эта репродукция так и не попала в печать. Только в 2002 году Г.М. Зеленской был опубликован сильно отредактированный вариант вышеупомянутой фотографии под названием «план И. Мичурина» — своеобразное клише, на котором было оставлено только сечение конструкций собора и удалены другие важные элементы чертежа: рамка, надпись и масштабная шкала.

Данная иллюстрация помещена во всех основных работах Г.М. Зеленской [6, с. 147; 7, с. 21, 247; 8, с. 81; 11, с. 53; 12, с. 205; 13, с. 40] и встречается в публикациях других исследователей [2, с. 22; 9, с. 115²; 14, с. 45; 15, с. 69]. Такой вариант репродукции чертежа представляет источник в сильно урезанном виде и позволяет лишь в самых общих чертах оценить его непосредственное содержание.

Важным этапом исследования чертежа можно считать поездку архивистов ЦНПРМ в Варшаву в 2012 году. По её итогам была сделана публикация, где присутствует качественная черно-белая репродукция плана (мы приводим её увеличенный вариант), техническое описание из служебного каталога и новые шифры хранения [3, с. 37—38, 39 (план)].

Публикация качественной репродукции чертежа имеет определяющее значение для его детального исследования. Как показал опыт общения сотрудников ЦНПРМ с поль-

скими коллегами, доступ к чертежу для отечественных специалистов в настоящее время сильно затруднен³.

Обстоятельное исследование истории Воскресенского собора невозможно без привлечения данных копии плана И.Ф. Мичурина и понимания характерных особенностей этого источника. Давно назрела потребность детального и всестороннего исследования этого ценнейшего графического документа.

Как правило, наиболее плодотворный анализ исторического источника возможен при его непосредственном изучении. Однако в данном случае, учитывая, что речь идет о предельно конкретном по содержанию изобразительном документе — чертеже, анализ его хорошей репродукции позволяет составить достоверное представление практически обо всех базовых особенностях этого источника — уровне сохранности, техническом качестве исполнения и характере содержания.

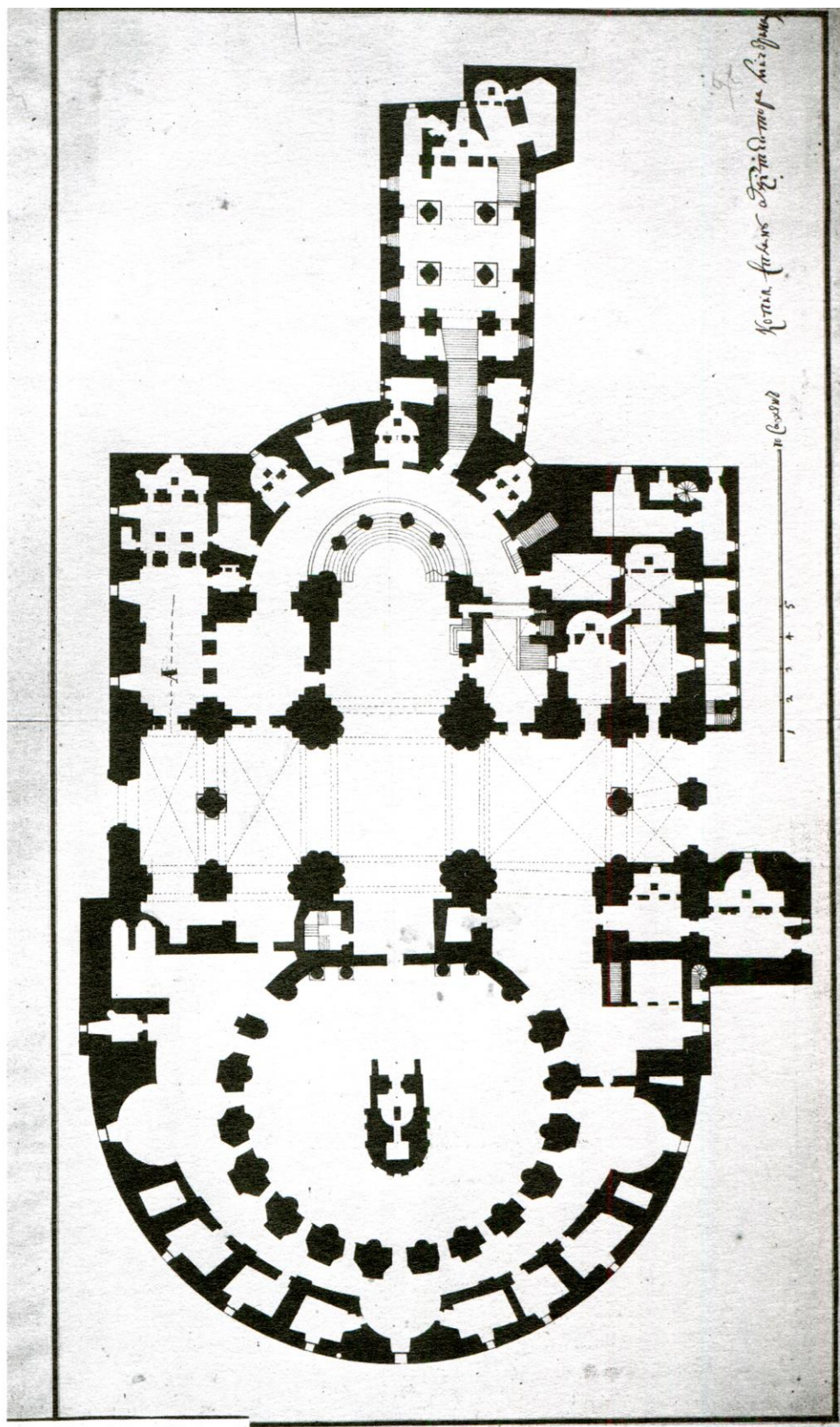
2. Описание чертежа

Чертеж вычерчен тушью на листе бумаги размером 38,7х70,8 см⁴. Линейные элементы обведены пером, заливка сечений выполнена с помощью кисти. Основную часть листа занимает отображение горизонтального сечения (план) первого яруса Воскресенского собора и Подземной церкви (илл. 2).

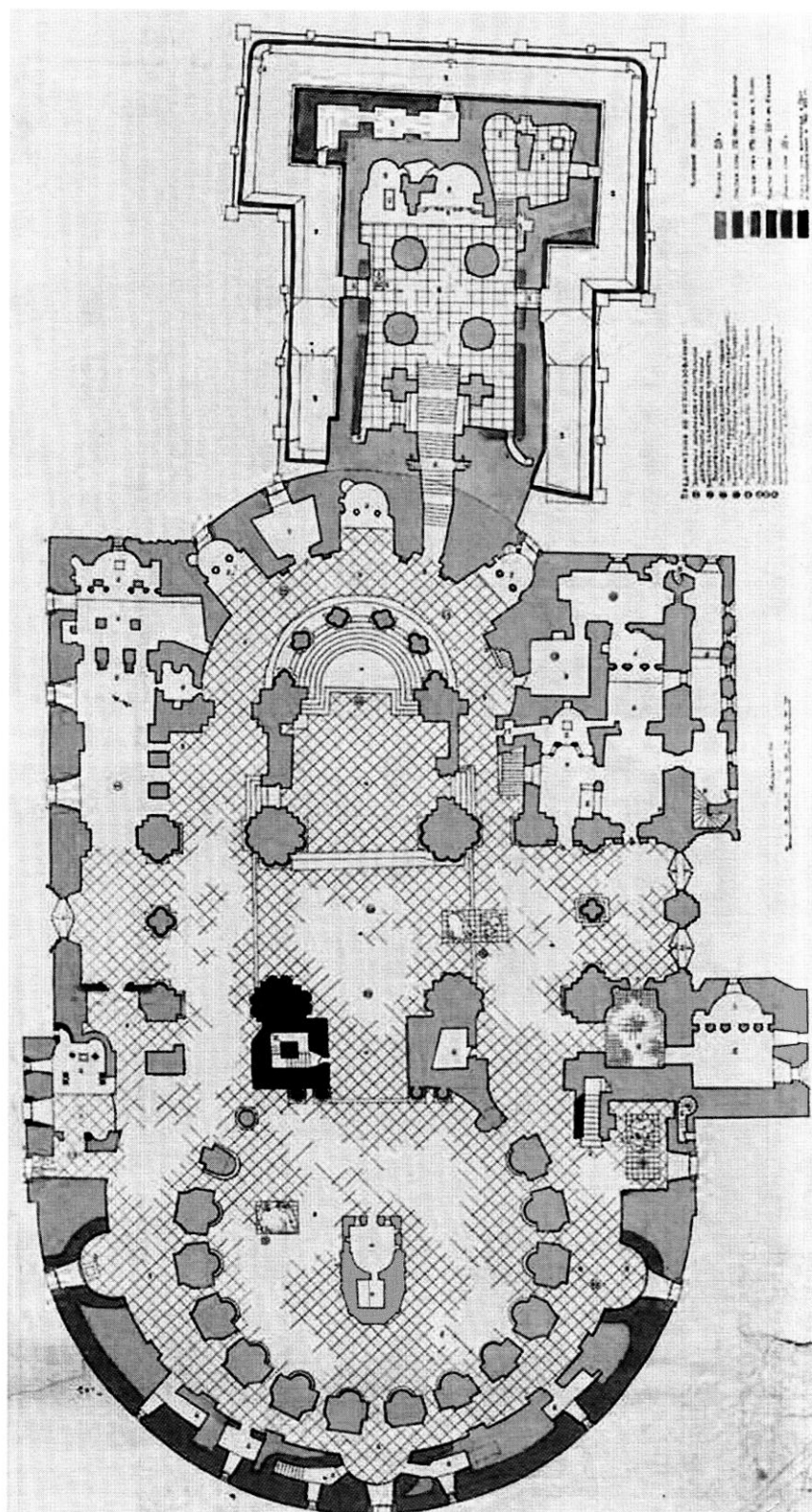
Графику можно характеризовать как очень качественную — все элементы плана хорошо читаются, выполнены четко и аккуратно. Обозначения стран света на чертеже отсутствуют, однако нетрудно заметить, что он ориентирован так же, как и большинство последующих обмерных планов собора, вплоть до настоящего времени, — севером вверх. Сложное архитектурное решение Воскресенского собора передано на чертеже почти с исчерпывающей подробностью. Многие характерные элементы структуры этого огромного здания, от крупных конструктивно-планировочных узлов до мельчайших деталей, узнаются моментально. Несомненно, исходный оригинальный план архитектора И.Ф. Мичурина был создан на основании детального осмотра храма и большого количества выполненных в натуре измерений.

На плане отражены все части комплекса Воскресенского собора с их характерными структурными особенностями. В первую очередь остановимся на изображении основного корпуса собора.

Его восточную половину образует выстроенная на основании ортогональной сетки опор Великая церковь (собственно собор

Илл. 2. Копия с плана первого яруса Воскресенского собора архитектора И.Ф. Мичурина.
Варшава. Национальная библиотека. Отдел иконографических собраний.
Рисунок 5466 (WAF, 112); негатив 1079/4

Илл. 4. Обмерно-хронологический план первого яруса Воскресенского собора, составленный специалистами треста «Мособлстройреставрация». 1982 год.

Условные обозначения: светло-серый — кладка XVII века, темно-серые оттенки — реконструкции и дополнения XVIII—XIX веков; черный — части здания, разрушенные 10 декабря 1941 года, и восстановленные в 1950-х — начале 1970-х годов (северный пилон Царской арки с примыкающим к нему северо-западным подкупольным столпом базилики, а также северная стенка лестницы возле придела свв. 12-ти и 70-ти Апостолов)

Воскресения Христова) с четко выделенным на плане центральным крестчатым базиликальным пространством, и приделами по его периметру, в том числе — с восточной стороны, где находится заалтарный обход-деамбулаторий с венцом из трех капелл-приделов.

Западная половина основного корпуса собора представлена центрическим сооружением — ротондой с круглым залом-«двором», в центре которого находится часовня Гроба Господня, и галереей по его периметру, имеющей три экседры и крупные внутристиенные помещения. С юга к основному корпусу примыкает колокольня; напротив неё, к востоку от двойного южного портала, виден нижний уровень узкой и протяженной Голгофской пристройки, состоящей из трех одинаковых продолговатых помещений. К востоку от основного корпуса собора на плане показана трехнефная шестистолпная Подземная церковь, в юго-восточном углу которой находится крипта Обретения Креста, состоящая из двух смежных пространств. По периметру Подземной церкви на плане отсутствуют какие-либо дренажно-распорные сооружения, возводившиеся начиная с 1750 года [9, с. 115—118] для предохранения здания от напора грунта и воздействия почвенной влаги, которые существуют с разной степенью сохранности и в настоящее время («пещеры» и ров). На чертеже отсутствуют какие-либо части комплекса собора, которые отличаются цветом, выделены штриховкой или иными графическими средствами.

Однообразное исполнение свидетельствует, что перед нами копия именно фиксационного плана здания. Сечения всех конструкций собора, а также иконостасы и алтари, имеют на плане сплошную заливку тушью контрастного темного тона. Для архитектурной графики 1-й половины XVIII века подобный прием не является обязательным — на значительном количестве сохранившихся чертежей сечения конструкций даны в линиях, а массы кладки имеют легкую, иногда совсем прозрачную тонировку [см. планы: 16, 17, 18, 19, 20]. В данном случае наличие густой темной заливки сечений очень уместно. Она придает чрезвычайно сложной и насыщенной структуре первого яруса собора предельную четкость и конкретность отображения, контрастно отделяя несущие конструкции, иные планировочные элементы от образуемых ими внутренних пространств, оконных и дверных проемов, коридоров и пр.

Такой способ подачи большого объема

графической информации существенно облегчает как общее восприятие плана, так и чтение на нем отдельных конструктивно-планировочных деталей здания.

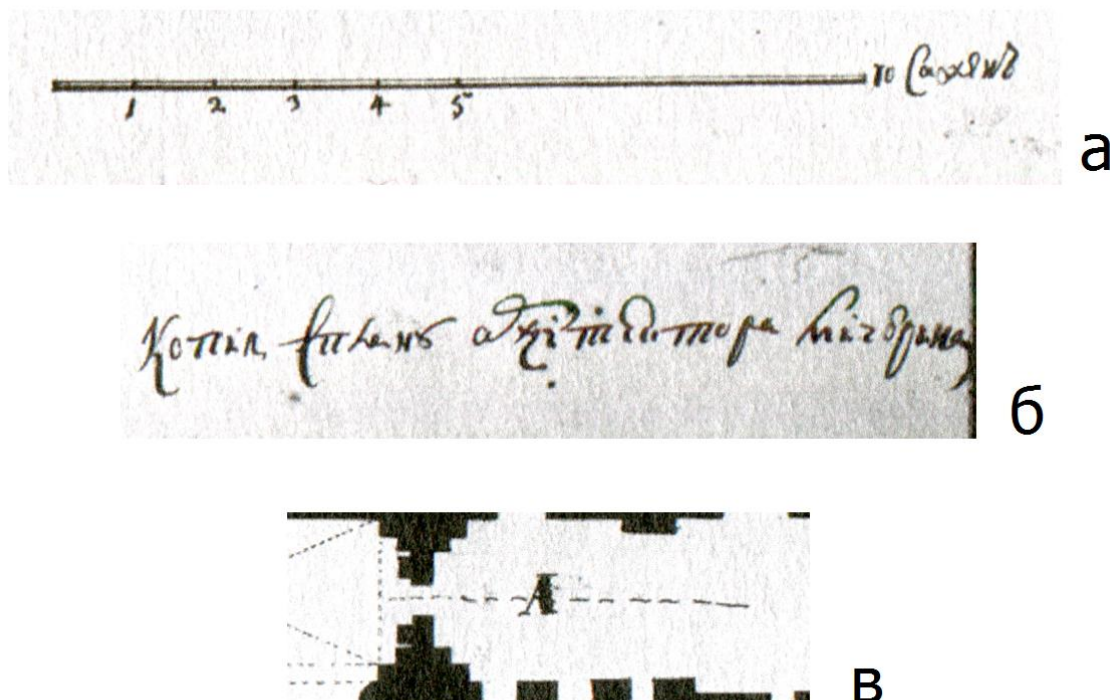
Кроме залитых сечений несущих конструкций, на плане присутствует значительное количество деталей, которые показаны в линиях, — это лестницы, парапеты, сечения оконных и, отчасти, дверных проемов, а также базы колонн. Все они вычерчены очень тонко и аккуратно. Кроме того, две тонкие сплошные линии на плане проведены поперек двух помещений в юго-восточном блоке приделов Великой церкви (в западном помещении голгофской пристройки и в крупной палате в юго-восточном углу). По-видимому, это обозначение каких-то временных, или некапитальных, перегородок, которые в то время могли существовать внутри этих двух помещений (более подробно — в разделе «Деревянные перегородки», который будет опубликован во второй части).

Пунктиром на чертеже показаны проекции сводчатых перекрытий собора. Их отображение имеет выборочный характер. Проекция показана преимущественно в центральной части здания — трансепте Великой церкви и ряде связанных с ним пространств в юго-восточной части основного корпуса. Еще более фрагментарно проекция перекрытий показаны в Подземной церкви — только поперечные арочные перемычки в центральном и боковых нефках. Все пунктирные линии на плане имеют одинаковую толщину, однако длина штришков и расстояние между ними даже в пределах одной линии может сильно колебаться. В основном, штришки мелкие, с неравномерными промежутками, а в ряде случаев они переходят скорее в ряды точек.

По всему периметру поле чертежа ограничено рамкой. Толщина линии рамки найдена весьма удачно — она органично обрамляет основную часть чертежа, не заглушая его, но и не теряясь на фоне его активных контрастов.

Вспомогательные элементы и надписи. Внутри поля чертежа, под планом собора, ровно по центру, находится масштабная шкала в саженях. Представлены деления, обозначенные цифрами 1, 2, 3, 4, 5 и 10. После последней цифры, в самом конце шкалы, находится слово «Сажень» (илл. 3, а).

В правой нижней части листа, как бы в продолжение масштабной шкалы, расположена надпись, сделанная несколькими вычурным почерком: «Копія сплану а^{рх}итектора Мічурина» (илл. 3, б).

Илл. 3. Надписи и отметки на копии плана И. Мичурина

Характерные особенности надписи: «сплану» написано слитно, что не редкость для орфографии XVIII века. В слове «архитектора» место первой буквы «р» занимает пробел, а сама буква с трудом просматривается в манерно выведенном горизонтальном вензеле над слогом «хi»; буква «х» внизу снабжена крупным с-образным завитком; левая вертикальная стойка заглавной «М» в несколько раз выше самой буквы и завершается отогнутым вправо большим крючком. Судя по почерку, обе надписи выполнены одной рукой (надо полагать, на завершающей стадии выполнения чертежа).

Отметки. Внутри трапезной придела Успения (северо-восточная часть основного корпуса собора) имеется дополнительно проведенная пунктирная линия. Линия начинается в проеме западного входного портала трапезной и обрывается напротив окна в восточной части помещения, немного не доходя до уровня входа в часовню «Темница Христа». Хотя в целом линия и следует направлению продольной оси трапезной, в её геометрии заметна легкая небрежность — края немного наклонены вниз, средняя часть выгибается вверх, штришки имеют слегка отогнутые концы — линия явно проведена от руки. В середине этой линии находится достаточно

крупная, весьма тщательно выведенная, заглавная литера «А» (илл. 3, в). Несомненно, линия проведена рукой, отличной от авторской. Во-первых, на это указывает то, что это единственная осевая линия на плане. Не менее существенны и её графические особенности: она имеет чуть большую толщину, чем все остальные пунктирные линии плана, штришки хоть и размашистые, но более четкие, крупные и однообразные, расстояния между ними также почти одинаковы.

Подытоживая, можно заключить, что, судя по высокому качеству графики, профессионально выполненным элементам оформления, содержанию надписи, наконец, хорошему качеству и крупным размерам листа бумаги, — перед нами, несомненно, официальная копия мичуринского чертежа, созданная в недрах государственных учреждений в 1-й половине — середине XVIII века.

3. О соотношении рассматриваемого плана-копии и оригинального чертежа архитектора И.Ф. Мичурина

При анализе и оценке рассматриваемого чертежа важно учитывать особенности его происхождения. Как показывает обширный фактический материал, в архитектурной практике, во всяком случае, крупнейших зод-

чих XVIII века, основополагающей была норма естественного права — оригинальный чертеж являлся авторской собственностью и, как правило, навсегда оставался во владении архитектора. Так, при отсутствии прямых указаний источников, именно большое количество оригиналов является одним из определяющих факторов, который заставляет исследователей предполагать, что варшавское собрание чертежей Ф.-Б. Растрелли происходит из личного архива зодчего, приобретенного коллекционером после его смерти⁵.

Конечно, известны случаи, когда архитектор выполнял чертеж в единственном экземпляре и выдавал его заказчику⁶. Но у И.Ф. Мичурина были все основания для сохранения оригинала обмерного плана Воскресенского собора при себе — архитектор более полутора десятилетий — с 1731 по 1747 год — курировал восстановление храма [22, с. 414]. Очевидно, чертеж был необходим архитектору для выполнения его прямых служебных обязанностей.

Более того, нам неизвестна судьба личного архива И.Ф. Мичурина, но можно предположить, что имевшийся в распоряжении архитектора набор фиксационных чертежей Воскресенского собора не ограничивался одним лишь планом первого яруса. Например, среди имущества умершего в 1783 году архитектора И.Я. Яковлева⁷, преемника И.Ф. Мичурина в Коллегии Экономии, значились восемь чертежей Воскресенского монастыря: генеральный план, поярусные (кроме первого) планы собора и план его кровель, план сени вокруг Кувуклии⁸, план нижнего яруса и разрез церкви Рождества Христова [*Материалы Троицкого*, с. 277—278; 24, с. 703].

Изначально у И.Я. Яковлева чертежей могло быть еще больше, поскольку в перечне отсутствует план первого яруса и какие-либо вертикальные сечения (разрезы) Воскресенского собора.

Не стоит забывать и о более широком значении для практикующего архитектора, каким был И.Ф. Мичурин, фиксационных чертежей столь примечательного здания. По нашим оценкам, в 1-й половине XVIII века Воскресенский собор сохранял свое положение крупнейшего и наиболее сложно устроенного православного храма Российского государства, и его фиксационный план, с учетом информационных возможностей того времени, представлял собой неоценимый справочный материал. Это была настоящая энциклопедия архитектуры — проверенное практическим опытом сосредоточие огромного количества точной специализированной ин-

формации самого разного характера (пролеты конструкций, сечения опор, композиционные особенности и т.д.). Такой чертеж в любой момент мог пригодиться архитектору в его повседневной деятельности: в проектных разработках, экспертизе, работе с учениками.

Наконец, сохранению оригинального чертежа у автора способствовали технологические особенности выпуска архитектурной графики. Создание и воспроизведение наиболее сложных чертежей имело характер многоступенчатого процесса, основные стадии которого весьма близко соответствуют современным критериям типов конструкторской документации в цепочке понятий «оригинал-подлинник-копия»⁹ [ЕСКД, раздел 1, п. 4.5, табл. 2 (с. 4)].

С учетом этих обстоятельств можно предположить, что И.Ф. Мичурин изначально представлял в распоряжение государственных учреждений только авторские реплики подлинного чертежа. На них стояла авторская подпись архитектора, и в содержательном плане они, вероятно, ничем существенно не отличались от исходной авторской работы, имея равный с ней статус, но эти чертежи не являлись оригиналами в фактическом плане, а носили вторичный характер, соответствуя современной категории «подлинник».

Рассматриваемый нами экземпляр, по всей видимости, представляет собой копию именно с «подлинника» — официальной авторской реплики оригинального чертежа. Следовательно, он является результатом, как минимум, двукратного перекопирования исходного оригинального чертежа архитектора.

Принципиально на качество данного источника это обстоятельство не влияет. Как правило, копии выполнялись исключительно в профильных подразделениях соответствующих ведомств, профессионально подготовленными кадрами. В государственных структурах копирование архитектурной графики было поставлено на поток.

О масштабе копировальных работ, наверное, наиболее красноречиво свидетельствуют результаты проведенного нами статистического анализа хорошо исследованного графического наследия Ф.-Б. Растрелли — крупнейшего русского зодчего той эпохи. Подсчет на основании классификатора чертежей в каталоге архитектурной графики зодчего [18, с. 189—190] показал, что из 518 шт. сохранившихся чертежей 113 шт. (около четверти) являются копиями, появившимися вне мастерской, причем, большая часть из этих копий (86 шт., или одна шестая часть от

общего количества сохранившихся чертежей мастерской Ф.-Б. Растрелли) была выполнена служащими государственного учреждения соответствующего профиля (Канцелярии от строений). Качество этих копий не вызывает никаких сомнений у современных исследователей и некоторые из них приведены в иллюстративной части каталога, поскольку они являются органической частью графического наследия зодчего, на что автор специально обращает внимание в предисловии [18, с. 4].

Наконец, копирование и вычерчивание беловых вариантов было хорошей школой для развития и оттачивания навыков архитектурной графики у учеников, проявлявших способности именно в этом аспекте архитектурной деятельности. Например, в мастерской Д.В. Ухтомского этим занимался молодой М.Ф. Казаков [17, с. 310—311].

Обозначенные выше особенности происхождения плана имеют принципиальное значение при решении вопроса о датировке недошедшего до нас оригинала чертежа. С учетом вышеизложенного, одно лишь сообщение источников о составлении архитектором И.Ф. Мичуриным чертежей собора не может считаться единственно определяющим аргументом для определения времени создания оригинала. В любом из случаев велик риск того, что перед нами всего лишь сообщение о дате выпуска авторской реплики плана собора. Наиболее обоснованной может быть признана только датировка, основанная на анализе непосредственного содержания чертежа, и сопоставления выявленных особенностей структуры собора на плане с данными о хронологии структурных трансформаций здания.

4. Анализ содержания плана

Как показывает анализ опубликованных результатов натурных исследований Воскресенского собора [1, с. 29], перестройки, как середины XVIII века, так и более позднего времени, не затронули общие габариты и основной конструктивно-планировочный каркас здания.

Современный обмерный материал, дополненный данными письменных источников, а также результатами натурных и археологических исследований, может служить надежным основанием для анализа и оценки степени достоверности рассматриваемого плана-копии, выявления всех его разносторонних особенностей, в том числе и содержащихся в нем пластов уникальной объективной информации. В качестве графического эталона мы использовали фиксационно-хронологический план первого яруса Воскре-

сенского собора, составленный в 1982 году специалистами треста «Мособстройреставрация» (илл. 4; публ. по [1, с. 29; 2, табл. I, 2]), и данные трехмерного лазерного сканирования собора 2010 года [2, с. 16].

Таким образом, мы будем сравнивать не оригинал плана и его копию, а копию и натурный первоисточник оригинала. На таком фоне все разноплановые особенности чертежа, его достоинства и недостатки, будут заметны особенно ярко. Сопоставляя с первоисточником вторичное воспроизведение плана И.Ф. Мичурина, можно прояснить одновременно сразу два принципиально важных вопроса — оценить особенности и уровень достоверности не только данного экземпляра, но и не дошедшего до нас оригинального чертежа, который он воспроизводит.

4.1. Общие вопросы. О терминологии, используемой при описании особенностей отображения Воскресенского собора на чертеже. Этот вопрос нигде детально не рассматривался, хотя, с учетом уникального положения памятника в истории русской архитектуры, давно нуждается в четкой артикуляции.

Во-первых, необходимо отметить *функционально-литургическую специфику* здания. Несмотря на общее наименование «Воскресенский собор», пространство самой соборной церкви Воскресения изначально занимало внутри храма небольшое место — восточную травею базилики, подкупольное пространство и Царскую арку с системой хоров над ней [6, с. 148—153; 7, с. 234—245]. Кроме главной церкви Воскресения Христова, внутри храма было множество приделов с разным посвящением. Таким образом, под одним и тем же общим термином «Воскресенский собор» в зависимости от контекста может подразумеваться как здание целиком, так и его центральная часть. Подобный дуализм характерен и для источников XVII—XVIII веков, где под термином «Великая (Большая) церковь» может подразумеваться как все здание, так и расположенный в его центре главный храм.

Кроме того, наличие, наряду с основным центральным храмом, некоторого количества малых боковых приделов, в той или иной степени, характерно для всех крупных храмов соборного типа как в западно-, так и в восточно-христианской традиции. Поэтому под «собором» может подразумеваться и вся восточная половина основного корпуса — главная церковь (собственно собор Воскресения) со всей совокупностью окружающих её приделов.

Важно отметить, что ротонда, примыкающая к собственно собору с запада и по своим масштабам соизмеримая с ним, не имела, по крайней мере, с периода завершающего этапа строительных работ начала 1680-х годов, самостоятельной литургической функции. Являясь частью храмового комплекса, ротонда сама по себе не была храмом в прямом смысле слова. Особенно красноречиво это обстоятельство демонстрирует терминология описи 1685 года.

Тут важно отметить, что документы подобного рода в большинстве своем являются суховатыми по языку хозяйственными инвентарями. Опись же Воскресенского собора 1685 года, как гласит преамбула к ней, была создана по царскому указу, и этот источник носит подчеркнуто официальный характер и отличается большим вниманием ко всем особенностям храма.

В описи 1685 года зал ротонды (и ротонда целиком) именуется не иначе, как «двор»: «Полатка, еже зоветца Гроб Христов, посреди двора церковного, под великим самым шатром» [25, с. 74]. По отношению к ротонде составители описи оперируют только этим термином [25, с. 71, 78, 80, 88, 236—238, 240]. Несмотря на свою монументальность, ротонда собора позиционировалась как структура, символически находящаяся вне храма, что подчеркивала и система каменных преград, первоначально существовавшая внутри основного корпуса собора и делившая его на две половины (см. раздел «Каменные перегородки основного корпуса», который будет опубликован во второй части).

Можно заключить, что монументальность архитектурных форм ротонды не имела самодостаточного характера в концептуально-символическом плане. Ротонда с шатром мыслилась как дополнительная конструкция, которая служила гигантским реликварием, огромной сенью, которая своими размерами, обширным внутренним пространством и богатством оформления подчеркивала значимость находящейся внутри неё святыни: часовни Гроба Господня.

В собственно соборе обширное внутреннее пространство, напротив, имело самостоятельный, самодостаточный характер, будучи святым местом в силу своего предназначения. На это прямо указывают первые фразы керамической надписи 1666 года, проходящей под сводами главного нефа базилики: «яко храм убо или церковь мир есть сей, место святое, Божие селение и особый дом молитвы, собрание людей» [7, с. 237; 11, с. 110]. Таким образом, восточная поло-

вина основного корпуса, с собственно собором Воскресения в центре, занимала главенствующее положение в иерархии объемно-планировочных частей храмового комплекса; по отношению к нему ротонда играла хоть и важную, но в некотором смысле второстепенную и подчиненную роль¹⁰.

Архитектурная специфика Воскресенского собора. По сравнению с другими памятниками средневекового русского церковного зодчества, для Воскресенского собора характерна беспрецедентно уникальная и неповторимая особенность: он является точной объемно-планировочной копией храма Гроба Господня в Иерусалиме. Изучение архитектурных достоинств как Воскресенского собора, так и храма Гроба Господня, по известным причинам, в отечественной науке не имеет глубоких традиций, эта тема до сих пор обойдена вниманием профессиональных историков архитектуры.

Если мы обратимся к первообразу Воскресенского собора [28, р. 89—300; 29; 30; 31; 32; 33, р. 6—72; 34], то обнаружим парадоксальную ситуацию.

Несмотря на то, что доминирующей конфессией в палестинском храме на протяжении большей части времени его существования были православные греки, исторически сложилось так, что архитектура палестинской святыни не имеет почти ничего общего с византийским, или шире, православным церковным зодчеством в его классическом варианте (илл. 5—6).

Западная половина основного корпуса иерусалимского храма — ротонда Гроба Господня, в основе своей сохранилась от сооружений времени императора Константина Великого. Это характерная постройка позднеантичной эпохи, когда монументальная христианская архитектура находилась на самой ранней стадии становления, а возведенный в 325/26—335 годах при содействии императора Константина и его матери Елены первый храм Гроба Господня, по сути, был одним из самых ранних его образцов¹¹ [32, с. 38—59].

Несмотря на просматривающуюся христианскую концепцию¹², эстетические и архитектурно-художественные особенности ротонды иерусалимского храма находились всецело в русле все еще цветущей в то время античной ордерной архитектуры в её древнеримском варианте. Поэтому, при наличии некоторых специфических черт¹³, в целом западная часть палестинского храма представляет собой типичную римскую купольную ротонду с экседрами, близкую по

Илл. 5. Храм Гроба Господня в Иерусалиме. Вид с юго-востока.
Современное состояние. Фотография с сайта Википедии

характеру к позднеантичным императорским мавзолеям [32, s. 58]. Восстановительные работы XI века несколько изменили облик иерусалимской ротонды — колонны по периметру зала были укорочены наполовину, появился второй ярус галереи и широкий деревянный шатер [32, s. 79], однако античная основа постройки хорошо сохранилась и просматривается до сих пор.

Восточная половина основного корпуса храма Гроба Господня была выстроена почти через тысячелетие после ротонды, при крестоносцах, когда в храме господствовало католическое духовенство с латинским патриархом во главе [32, s. 86]. По сравнению с простыми рядами часовен, появившихся на территории возле ротонды во время византийской реконструкции 1-й пол. XI века, базилика крестоносцев демонстрирует огромный шаг вперед западно-европейской храмо-строительной культуры, пришедшей к созданию уникального типа соборного храма — имеющего ясную и символичную структуру, объединяющую в себе большое количество приделов, сгруппированных по иерархическому принципу и имеющих продуманные функциональные связи [32, s. 99].

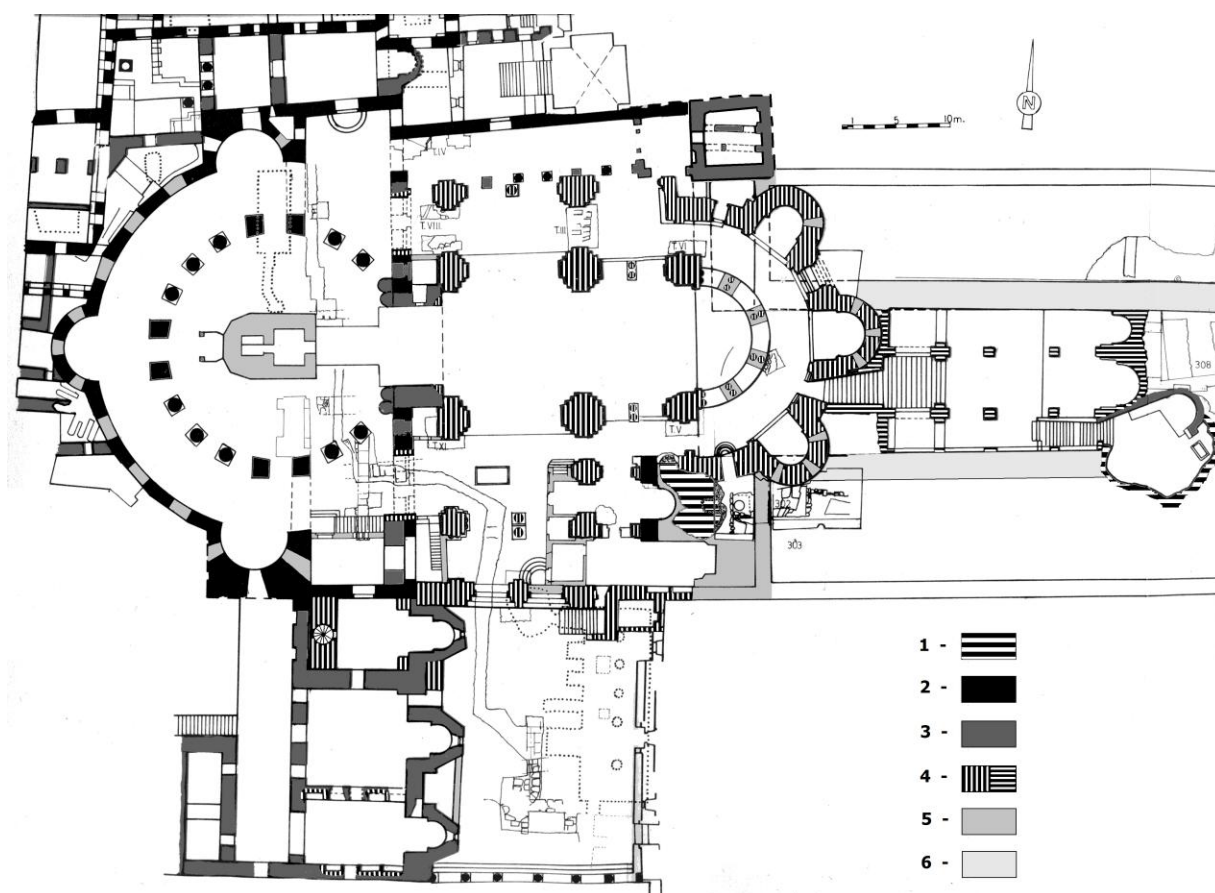
По своему структурному типу (за исключением общей раннеготической стилистики) восточная половина основного корпуса храма Гроба Господня обнаруживает большое сходство с храмом над могилой апостола

Иакова Старшего в Сантьяго-де-Компостела и романскими церквями южной Франции, построенных на основных путях движения паломников к нему [32, s. 100; 37].

С другой стороны, европейские предшественники и аналоги базилики крестоносцев чрезвычайно распластаны за счет протяженных продольных нефов и многопролетных трансептов. Святогробская базилика, наоборот, предельно компактна — каждая из трех ветвей её главного нефа имеет всего по одной травее.

Формально, причиной столь компактного характера святогробской базилики явилась сложная градостроительная ситуация — узость храмового участка, сосредоточенность на нем большого количества святынь и элементов храмового комплекса предшествующих периодов — все это необходимо было интегрировать в новую постройку.

С другой стороны, предельная компактность базилики дает основание говорить о сильном косвенном воздействии на храм крестоносцев пространственных решений, выработанных в восточно-христианском зодчестве. Четырехстолпные крестовокупольные храмы наглядно демонстрировали не только цельность и выразительность компактного крестчатого пространства, но и эффектный характер внешнего пирамидального силуэта таких построек. Восточно-христианская традиция, хоть и проявила себя в

Илл. 6. Обмерно-хронологический план первого яруса храма Гроба Господня.

Публикуется по о. В. Корбо [31, Р. 2, Tav. 1], с дополнениями по о. Г. Венсану [28, р. 118, fig. 67],

Ю. Крюгеру [32, S. 87, Abb. 84] и Д. Принглу [33, р. 49, fig. 7].

Условные обозначения: 1 — материковая порода (Голгофа и грот Обретения Креста); 2 — части комплекса, сохранившиеся от позднеантичного храма императора Константина Великого (IV век); 3 — дополнения периода византийской реконструкции (1012—1048 годы); 4 — части храма, возведенные в период Иерусалимского королевства (1100—1170 годы); 5 — недатированные и поздние части здания; 6 — фундаментные стены базилики IV века

храме Гроба Господня косвенным путем, однако её характерные особенности имели определяющее значение для сложения пространственной структуры святогробской базилики, подсказав зодчим крестоносцев единственно приемлемый путь выхода из чрезвычайно сложной проектной ситуации.

Некоторый элемент синкретичности, подчеркивающий универсальное значение иерусалимской святыни, угадывается и в формах купола базилики.

В западноевропейской архитектуре купола над средокрестьем (или башнеобразные световые фонари) имеют, как правило, четкую и ясную четырех- или восьмигранную форму.

В мягких формах цилиндрического барабана базилики крестоносцев, с широкими плоскими раскреповками, расположенными по странам света, и в столь же мягких формах безреберного купола над ним, угадывается сильное влияние ключевого творения

мусульманского зодчества в Иерусалиме — мечети «Купол скалы», возведенной на Храмовой горе еще в VII веке. При крестоносцах в ней располагалась церковь «Святая Святых» с капитулом или монастырем при ней [33, р. 397—417]. Все эти детали образуют монолитный сплав на базе традиций романской соборной архитектуры. Можно сказать, что готика не как конструктивное, а именно как художественное явление, родилась в оформлении иерусалимской базилики в результате этого синтеза.

С храмом в Сантьяго-де-Компостела иерусалимскую базилику роднит и идентичная композиция южного фасада трансепта, с тем лишь отличием, что в галисийском соборе это второстепенный боковой фасад, а в палестинском храме — основной и единственный фасад здания, имеющий целостную архитектурную обработку. Правда, в храме Гроба Господня фасад утратил жесткую связь с внутренней структурой храма и в значитель-

ной степени представляет собой самостоятельную художественную композицию на отдельной плоскости, которая как бы приставлена к поверхности внешней стены храма. Подобное решение, так называемый «фасад-экран» (фр. *façade-écran*), было чрезвычайно популярно в романском зодчестве юго-восточной Франции [36—38].

В остальном же, по всем своим основным параметрам, восточная половина основного корпуса иерусалимского храма — типичная западно-европейская базилика. Она выстроена по связанной системе, имеет второй ярус боковых нефов (эмпоры), тонкий декор в духе проторенессанса и ранней готики, крестовые своды с нервюрами, стрельчатые очертания арок, сводов и купола и, конечно же, деамбулаторий с венцом капелл¹⁴ [29, s. 167—241; 32, s. 100, 116]. Это особенно наглядно проявляется при сравнении планов святогробской базилики и её ранее упомянутых европейских аналогов (илл. 7).

Более глубокое и явное влияние восточно-христианских традиций заметно в пространственной структуре крипты св. Елены, которая расположена в толще грунта к востоку от основного корпуса иерусалимского храма и также была возведена при крестоносцах, еще раньше базилики. В её интерьере крестово-купольная структура проступает особенно отчетливо [32, s. 90—92]. Но и тут центрическая, восточно-христианская тенденция заметно ослаблена протяженным характером интерьера и наличием третьей пары столпов в западной части, что придает внутреннему пространству крипты характерное для европейских базилик глубинно-перспективное развитие.

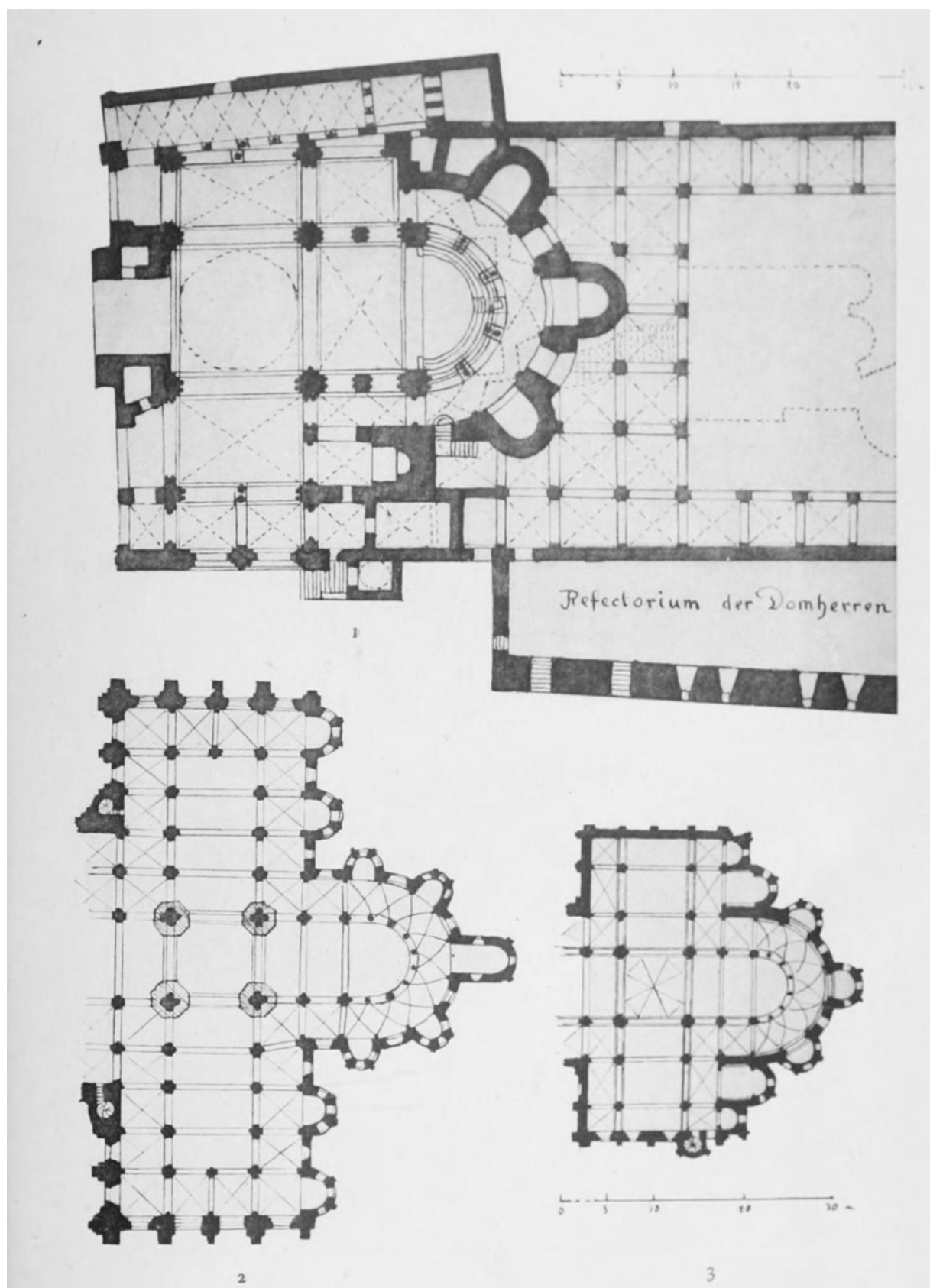
Иерусалимский храм всегда имел значение важнейшей святыни христианского мира. На всех этапах существования святогробского ансамбля вопросами его совершенствования и развития занимались самые видные представители своего времени — заказчики, богословы и строители. Поэтому, несмотря на разновременность и разнотипность отдельных элементов храмового комплекса, разную стилистику, святогробский ансамбль имеет удивительно целостный и органичный характер. Например, при, казалось бы, механическом воспроизведении выработанного в Европе типа, базилика крестоносцев удивительно органично объединяет все святыне места храмового участка к востоку от ротонды. Вместе с более ранними частями храма, в первую очередь — с самой ротондой, базилика крестоносцев образует удивительно целостный и внутренне завершённый ансамбль,

как по своим конструктивно-художественным, так и богословско-символическим характеристикам. Как будто обе части храма творения не двух разных эпох истории человечества, которые разделяет почти тысяча лет, разная стилистика и этно-культурный контекст, а возведены единовременно¹⁵.

В эпоху крестоносцев формирование архитектурного ансамбля храма Гроба Господня завершилось. После того, как государство крестоносцев прекратило свое существование и в иерусалимском храме доминирующей конфессией вновь стали православные греки, архитектурное решение комплекса осталось без существенных изменений. В таком состоянии палестинская святыня подошла ко времени патриарха Никона и, в общем, продолжает существовать до сих пор [34].

Если оценивать архитектурные качества храма Гроба Господня, то они, несомненно, высоки. По существу, храм сконцентрировал в себе наиболее характерные и интересные достижения европейского храмового зодчества позднеантичного (римского) и средневекового периодов — огромной эпохи от Рождества Христова до Возрождения и Реформации. Появление необычного, сложноустроенного собора Воскресения Христова в Новом Иерусалиме заметно обогатило русское культурное пространство, храмостроительные традиции которого были предельно просты и аскетичны. Сложных пространственных структур — ротонд [39] или базилик (тем более, в такой развитой форме), церковное зодчество Московской Руси не знало. Более того, к концу средневековья, на фоне нарастания ренессансных тенденций, официальная архитектура в наиболее монументальных проявлениях полностью замкнулась на воспроизведении одного и того же, давно выработанного храмового типа [40].

Завершение Воскресенского собора проложило путь для развития в русской архитектуре новых пространственных и декоративных форм; на ключевое значение храма для развития русской архитектуры переходного периода от Средневековья к Новому времени обратил внимание еще М.А. Ильин [41, с. 337; 39, с. 114—115]. При этом прямых подражаний Воскресенскому собору в русской архитектуре не появилось. Объемно-планировочное решение храма так и осталось в отечественном зодчестве единичным явлением, удивительным, неповторимым феноменом, каждый элемент которого нуждается в корректной, четкой и ясной артикуляции.

Илл. 7. Сравнение плана базиликальной части иерусалимского храма (1) с планом восточной части паломнической церкви Сен-Сернэн в Тулузе (2) и Сент-Фуа в Конке (3). По К. Шмальтцу [29, Taf. VII]. Масштаб верхней и нижней частей таблицы разный

Ввиду единичности явления, в русском языке отсутствовали предпосылки для формирования собственного терминологического аппарата, который мог бы детально и подробно отразить специфические особенности конструктивно-планировочной структуры собора, а тем более — выявить огромные пласты многовековой исторической памяти, которые скрыты в его архитектурных формах, унаследованных от иерусалимского прототипа. Имеющийся в русских письменных источниках XVII—XVIII веков терминологический аппарат очень мал и состоит из небольшого количества предельно обобщенных понятий. Так, например, для составителей описи 1685 года, Воскресенский собор, в общем, являлся не более, чем огромным конгломератом «столпов» и «палаток». В XVIII веке появляется термин «галерея», который используется предельно широко; кроме того, на протяжении большей части этого столетия, ротонда собора именовалась «шатром» (ср. [1, с. 30]). Столь ограниченный и неоднозначный по содержанию ассортимент исторически сложившейся терминологии, очевидно, не в состоянии отразить того многообразия композиционных, функциональных и конструктивно-планировочных узлов здания, их различной генетики и типологии.

Поэтому, при описании архитектурных особенностей Воскресенского собора, базовую основу использованного нами терминологического аппарата составляют термины и понятия, применяемые при описании памятников античного и средневекового западно-европейского храмового зодчества — эпох, внесших наибольший вклад в формирование архитектурного облика его палестинского первоисточника. Это важно как в плане артикуляции уникальной архитектурной специфики Воскресенского собора, так и для поддержания духа преемственности с его реальными генетическими прототипами. Данную традицию, по существу, заложили еще предыдущие исследователи, профессионально изучавшие архитектурные особенности здания — архитекторы-реставраторы М.Б. Чернышев и Л.Э. Тепфер¹⁶.

С другой стороны, Воскресенский собор изначально строился как всецело православный храм. Поэтому русскую церковную терминологию необходимо использовать при определении функционального назначения внутренних пространств здания, обусловленного нашей традицией («приделы» вместо «капелл», «алтарная часть» вместо «хора» и

т.д.) или преобразованного в соответствии с ней («трапезная» вместо «замкнутый участок нефа»), и даже для некоторого количества конструктивных деталей (например, «подкупольные столпы»). Из этой совокупности нескольких семантических слоев и формируется терминологический аппарат, который наиболее корректно и объективно может отразить уникальный характер храма, запечатленного на рассматриваемом чертеже.

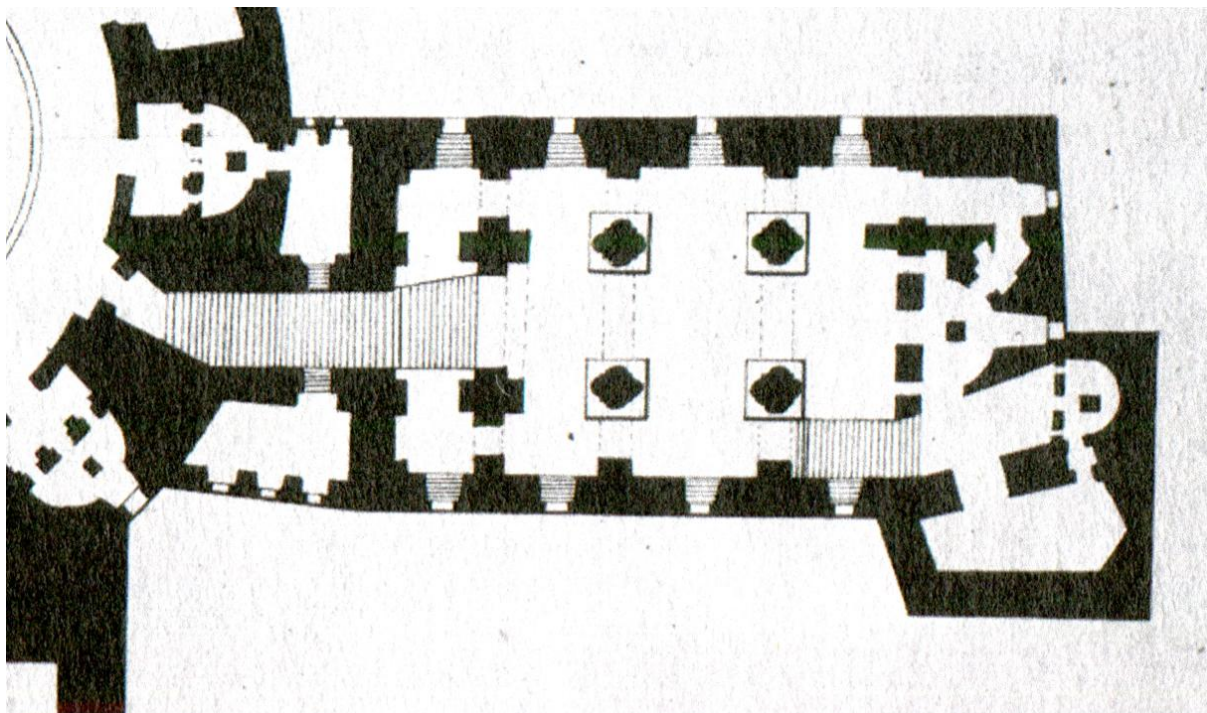
4.2. Технические особенности чертежа. Рассматриваемый источник принадлежит к категории технических документов, поэтому первостепенной задачей при исследовании его содержания является анализ и оценка особенностей, специфических для данного вида источников.

Математическое соответствие чертежа структуре собора. Оценка по этому параметру проведена нами путем привязки чертежа к современным фиксационным планам собора, отражающим его структуру с наибольшей точностью.

Основной корпус. Общий характер абриса отражен довольно точно. В то же время, ширина и радиус массива заалтарных приделов на чертеже немного меньше реального. Точно на плане зафиксирована только точка его сопряжения с северным плоским участком восточного фасада. Ризалиты на северной и южной стороне здания (в месте сопряжения галерей ротонды и собственно собора), а также колокольня, показаны точно, но немного сдвинуты к востоку. Отсутствует небольшой простенок фасада между двойным южным порталом и колокольней.

На плане не отражено легкое отклонение от перпендикуляра прямых участков восточного фасада, которые, как показывают современные данные [2, с. 16], являются частью одной плоскости, составляющей с южным продольным фасадом здания угол в 87°. Правда, на рассматриваемом чертеже зафиксирована вызванная этим скосом плоскости разность расположения северо- и юго-восточного углов основного корпуса; однако плоские участки восточного фасада представлены на чертеже как строго перпендикулярные продольным фасадам. Наклон плоскости восточного фасада — уникальная особенность Воскресенского собора, отсутствующая в иерусалимском первообразе¹⁷.

На плане вполне достоверно отражены принципиальные особенности внутренней структуры собора, вся система соотношений пространств и конструктивно-планировочных элементов, характерные геометрические осо-

Илл. 8. Подземная церковь на копии плана И. Мичурина

бенности каждого из них, например — сужение галереи ротонды к западу, аналогичная, хотя и не столь заметная, геометрия заалтарного обхода. Следует отметить, что колебания ширины периметральных коммуникаций (галереи ротонды и заалтарного обхода) — еще одна уникальная особенность Воскресенского собора; она не характерна ни для храма Гроба Господня, ни для других храмовых построек античности и западноевропейского средневековья.

Очень близко реальному на плане показан диаметр зала ротонды. Верно найдена главная продольная ось здания, проходящая через западную экседру ротонды, часовню Гроба Господня, северную колонку иконостаса придела Разделения риз (в ретрохоре¹⁸) и северо-восточный угол Подземной церкви.

Вместе с тем, в южной части основного корпуса на плане выявлены искажения пропорционального строя структуры собора. Они имеют сложный характер и не вписываются в общую картину мелких ошибок, присутствующих на чертеже.

Во-первых, на плане заметно уменьшено сечение обоих пилонов Царской арки (см. раздел «Внутренние несущие конструкции»). Уменьшение сечения не отразилось на точности посадки на план северных граней обоих пилонов, кольца опор ротонды и северной пары подкупольных столпов. Однако была заметно сдвинута к северу южная пара под-

купольных столпов, а также две колонны на западном фасаде северного пилона. В южной оконечности трансепта опоры, напротив, слегка отодвинуты к югу, а имеющаяся там четырехлопастная колонна еще и смещена с поперечной оси собора к западу. Все эти разнонаправленные сдвиги, по-видимому, имели целью придать южной травее трансепта строго квадратную форму.

Отметим, что при видимой четкости и симметричности общей структуры, здание Воскресенского собора имеет «живую» геометрию — легкую асимметрию одинаковых, на первый взгляд, частей; от самых маленьких до самых крупных¹⁹. Например, все три ветви главного нефа базилики разнятся по длине, строго квадратную форму имеет только центральная подкупольная ячейка.

Существенное изменение пропорций южной травее, которая, вместо реально существующей, продольно растянутой, приобрела на плане строго квадратную форму, позволяет заключить, что это было сделано составителем исходного чертежа. Идя на такой шаг, архитектор, видимо, руководствовался художественными соображениями идеалистического характера — правильные квадратные очертания основных травей-компартиментов придают структуре внутреннего пространства базилики более четкий характер; располагаясь друг над другом, они подчеркивают главную поперечную композиционную ось всего здания, проходящую в

центре основного корпуса. Такие, откровенно художественные корректировки и обобщения — не редкость для обмерного материала XVIII—XIX веков, но тут они сделаны с минимально возможным ущербом для достоверности чертежа.

Из других помещений обращают на себя внимание пропорции «Авраамовой палатки». Вместо квадратной, она имеет на плане поперечно вытянутую прямоугольную форму. Казалось бы, это следствие ранее обозначенных сдвижек. Однако это не так — близка реальной длина именно наибольших сторон палатки²⁰. Причиной этой деформации является сдвижка к западу поперечной стены, формирующей восточную сторону Авраамовой палатки и алтарной части придела Архистратига Михаила.

Подземная церковь. На плане не зафиксировано легкое склонение сетки осей крипты (3°) в юго-восточном направлении. Эта особенность, не характерная и для палестинского первоисточника²¹, по-видимому, напрямую связана с отмеченным выше склонением плоскости восточного фасада основного корпуса собора²².

Кроме того, при данных размерах основного корпуса собора, общие габариты Подземной церкви на плане заметно меньше необходимых, особенно в поперечном направлении. Причины данной особенности чертежа неясны.

Из особенностей внутренней структуры крипт на плане следует отметить более равномерную посадку внутренних опор — не показано смещение к югу восточной пары подкупольных столпов, особенно северо-восточного. Продольная стена крипты Обретения Креста, делящая её внутреннее пространство на два помещения, излишне массивна (илл. 8).

Отметка съемки и характер проекции. Особенности отображения структуры здания позволяют заключить, что отметка стабильно находится на одном уровне (чуть выше подоколонников; по-видимому, около двух аршин — 1,5 м).

Но тут есть свои особенности. Воскресенский собор представляет собой сложный пространственный объект — не все помещения и пространства, связанные с первым ярусом здания, находятся на одной плоскости. Поэтому составление плана на одном, строго зафиксированном горизонтальном уровне, не может дать необходимого информационного эффекта; скорее, это только усложнит восприятие, сделает его информационно незаконченным — в сечение попа-

дет, кроме значительной части внутренних пространств, ряд нежелательных деталей — большие массивы кладки основания синтрона главной апсиды, или кровельное покрытие Подземной церкви.

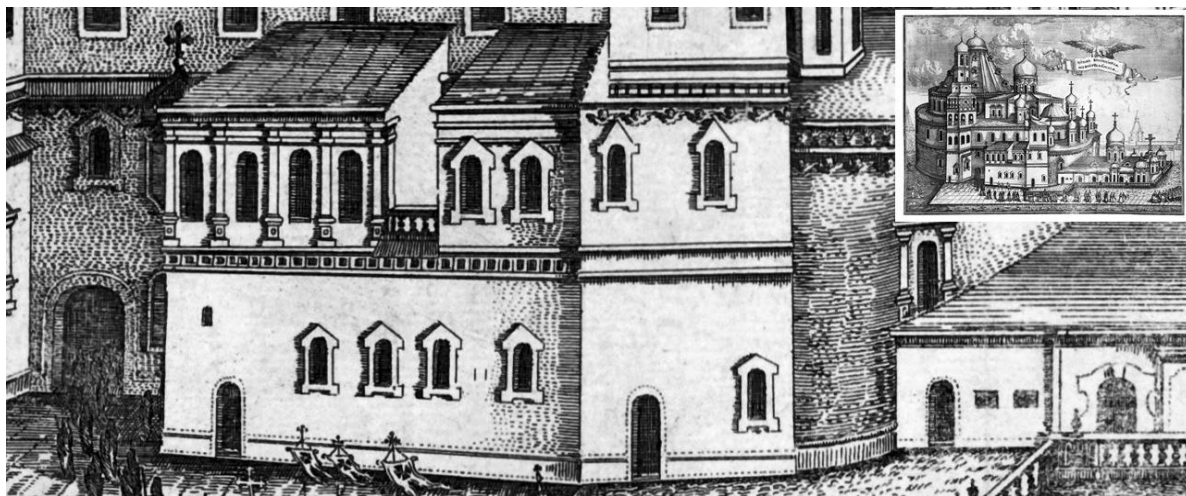
При составлении плана И.Ф. Мичуриным был применен другой, более гибкий и уместный в данном случае принцип — отметка сечения плана колеблется в соответствии с уровнем пола каждого конкретного помещения первого яруса основного корпуса собора и непосредственно связанных с ним пространств.

На ровных плоскостях сечение стабильно находится на одной отметке, но в случаях значительного повышения или понижения уровня пола, оно перемещается вслед за ним — поднимается в синтроне главного алтаря, опускается вслед за главной лестницей Подземной церкви, одновременно расходясь по боковым маршам в палатки-сторожки; далее, в основном пространстве подземного храма, вслед за другой лестницей, отметка сечения опускается еще ниже, — в приделы, посвященные Обретению Креста.

Подобный принцип выстраивания проекции делает план максимально наглядным и информативным, поскольку создает целостное представление о структуре первого яруса Воскресенского собора и непосредственно связанных с ним пространств. Не случайно именно по такому принципу составлены все известные фиксационные планы первого яруса Воскресенского собора XVIII—XX веков²³.

Несмотря на популярность подобного подхода, в таком принципе отображении структуры собора присутствует значительный элемент условности, поскольку секущей тут является не ровная (или, пускай, слегка изогнутая) плоскость, а поверхность очень сложной формы. Особенно большие затруднения вызывает выбор сечения западной оконечности Подземной церкви, которая на разных планах собора отображена на разных отметках. Особенно показательно, что на плане, составленном на основе обработки данных трехмерного лазерного сканирования 2010 года, сечение вообще не проходит по интерьеру Подземной церкви, а располагается строго на уровне помещений первого яруса основного корпуса здания; так что на чертеже показана лишь кровля крипт с сечением светового барабана.

В разных местах чертежа нами было выявлено несколько случаев дополнения основной проекции деталями, в реальности располагающимися на других, гораздо более высоких отметках: арка Крестного пути в де-

Илл. 9. М.Ф. Казаков. «Торжественная встреча императрицы Елизаветы Петровны в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре». Конец 1753 — начало 1754 года. Общий вид и фрагмент.

Плоскости фасадов собора представлены на гравюре большей частью в виде развертки.

Слева направо: двойной южный портал основного корпуса собора с киотом в середине (виден частично), продольный фасад голгофской пристройки, южная плоскость восточного фасада основного корпуса с заложенным в 1759 году восточным порталом, край массива приделов заалтарного обхода, фасад южной сторожки Подземной церкви с входным проемом и двумя прямоугольными окнами

амбулатории, окно ретрохора, окна по периметру Подземной церкви. Несомненно, это повышает информативность плана, но одновременно усиливает и степень его условности, поскольку при буквальном прочтении чертежа создается эффект, что, например, окно ретрохора выходит в северную сторожку Подземной церкви, а окно центральной апсиды Подземной церкви упирается в угол внешней стены крипты Обретения Креста.

Подобные особенности встречаются и на более поздних планах собора (ср. окно ретрохора на плане Ф.Ф. Рихтера 1854 года).

Реальный масштаб плана. Выполненные нами расчеты показали, что реальный масштаб плана — 1:166,6(6) или 3:500 (в 1 сажени 500 аршин)²⁴. Примечателен получившийся размер сажени масштабной шкалы, который составил 2,49 м. Данный размер соответствует «косой» сажени, самой крупной из применявшихся в XVII столетии, но не «петровской», внедренной с начала XVIII века, значение которой составляет 2,1336 м.

4.3. Детали. Внешний абрис. Дверные проемы. Основной корпус. С западной стороны основного корпуса собора, в отличие от подавляющего большинства храмов, входных проемов никогда не было — эта удивительная особенность здания особо отмечена в описи 1685 года [25, с. 78]²⁵. Строго говоря, у собора все же имелся главный западный портал, но он был расположен внутри здания, в каменной перегородке Царской арки, отделяющей собственно собор от ротонды [6, с. 150].

С внешних сторон основного корпуса к концу XVII века насчитывалось в общей сложности 7 дверных проемов. На плане показаны 6 из них. Четыре на южном фасаде — главный вход в собор, состоящий из двух одинаковых порталов (в центре), вход в придел Всех Святых в первом ярусе колокольни, а также малоприметная дверь на винтовую лестницу вблизи северо-западного угла колокольни; единственный вход на северном фасаде — большой одинарный портал, расположенный зеркально двойному южному (в описи 1685 года отмечено, что он имел идентичное с ним оформление [25, с. 73—74]); и, наконец, шестым на плане показан несохранившийся входной проем в южной оконечности восточного фасада, рядом с лестничной башенкой.

Судя по записи в строительной расходной книге Воскресенского собора за сентябрь 1759 года, этот портал был заложен в связи с расширением на восток придела преп. Марии Египетской [Материалы Троицкого, с. 237; 45, с. 126]²⁶, его облик схематично зафиксирован на гравюре М. Казакова «Торжественная встреча императрицы Елизаветы Петровны в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре» (илл. 9), которую мы относим ко второй половине 1753 — началу 1754 года²⁷. Имеющие ступенчатую профилировку, перспективные внешние части главных входов в собор на плане отражены только у северного портала. В остальных случаях обобщенно показаны плоские, уширяющиеся откосы.

Вместо седьмого входного проема в собор, расположенного на южной стороне голгофской пристройки, в её западном конце²⁸, на чертеже показано окно. Между тем, несмотря на небольшие размеры и отсутствие парадного обрамления, данные натурных исследований и опись 1685 года [25, с. 79]³⁰ свидетельствуют, что этот входной проем уже существовал к концу XVII века. Следовательно, его отображение на чертеже в виде окна следует считать ошибочным.

Подземная церковь. Данные описи 1685 года [25, с. 73] и надпись у входа в Подземную церковь в деамбулатории, текст которой также приведен в этом источнике [25, с. 73; 11, с. 159], свидетельствуют, что по двум малым лестничным маршам, отходящим от главной лестницы Подземной церкви, минуя палатки с деревянными дверями, можно было попасть на монастырский двор. На плане точно передана эта система, с тем лишь отличием, что во внешних стенах палаток на плане нет дверных проемов, а показаны только окна. Кроме того, данные плана не совпадают с современной ситуацией — например, в стене южной сторожки имеется только два проема: окно и дверь. Однако, как свидетельствует запись в строительной расходной книге Воскресенского собора, эта стена была переложена еще в 1759 году [*Материалы Троицкого, с. 237*].

Подтвердить точность передачи количества проемов в первоначальной стене южной палатки-сторожки на плане и установить, какой из них в действительности являлся дверным, позволяет вышеупомянутая гравюра М. Казакова 1753/54 годов. На ней зафиксировано, что из трех проемов сторожки дверь занимала крайнее западное положение³⁰ (илл. 9). Вероятно, по такому же принципу следует реконструировать расположение дверного проема и в северной сторожке. Имеющиеся ныне по бокам храма выходы в ров могли быть пробиты только в период 1750—1753 годов, когда по периметру здания была сооружена дренажно-распорная галерея, предохраняющая Подземную церковь от напора грунта и почвенной влаги [9, с. 115—118].

Оконные проемы. Основной корпус. На плане отмечена градация в размерах оконных проемов, особенности их конструкции со стороны интерьера, но внешняя часть не детализирована — отсутствуют перспективная профилировка наличников малых окон³¹ и колончатые обрамления наличников больших окон приделов собора и трех экседр ротонды³².

Градация размеров окон на чертеже соблюдается не везде — недостоверно мала ширина окна придела свв. 12-ти и 70-ти Апостолов, южного окна придела Всех Святых в первом ярусе колокольни, и, наоборот, излишне крупно окно большого помещения в юго-восточном углу основного корпуса, севернее голгофской пристройки. На план нанесено самое маленькое окно первого яруса собора, имеющее керамический наличник. Оно расположено в миниатюрном помещении к северу от винтовой лестницы, находящейся в юго-восточном углу здания.

Нарочито равномерно представлен ряд малых окон в стене ротонды, и на продольном фасаде голгофской пристройки. Для проёмов фасада Голгофы в принципе характерна иная ритмика — проемы западного и среднего помещений расположены скорее попарно, а в восточном помещении первоначально единственное окно располагалось ровно по центру.

В настоящее время в западной части восточного помещения голгофской пристройки имеется шестой проем — окно. Оно было пробито при вышеупомянутом расширении придела преп. Марии Египетской в 1759 году, и, вместе с новым окном в восточном торце голгофской пристройки, созданном на месте портала, оформлено изразцами вторичного использования [42, с. 126³³; 45, с. 151].

Проем окна ретрохора (придел Разделения Риз) имеет на плане неоднозначный облик. Его северному откосу придана профилировка дверного проема, южному — оконного. Линии нижних плоскостей отсутствуют. Судя по сложному характеру ошибки, её возникновение можно отнести к авторской реплике исходного обмерного плана, послужившей основой для рассматриваемого экземпляра копии.

Единственным крупным упущением чертежа в рассматриваемом аспекте является отсутствие обоих окон придела св. Марии Магdalины — большого в основном помещении придела, и малого, в его алтарной части. Судя по данным натурных исследований, они существовали в соборе с XVII века³⁴ и, вероятно, были упущены по недосмотру.

Подземная церковь. Из 12 окон по периметру храма на плане показано 10 — отсутствуют 2 окна в восточных травеях боковых нефов. Внутренние подоконники показаны ступенчатыми, внешняя часть проемов не детализирована. В сторожках Подземной церкви показано 5 окон (3 в южной и 2 в северной); как отмечено выше (см. раздел «Дверные проемы»), один из оконных про-

емов в каждой сторожке в действительности являлся дверным. Существующий ныне оконный проем в южной стене пещеры Обретения Креста, как свидетельствуют источники, был устроен только в период 1751—1756 годов [*Материалы Троицкого*, с. 22–35]³⁵, когда по периметру храма уже существовала дренажно-распорная галерея.

Фасадный декор собора. Как видно из вышеприведенных наблюдений, фасадный декор собора, за исключением профилировки северного портала, на плане практически не отражен. Кроме порталов и наличников, на плане также отсутствует широкий, сложно-профилированный цоколь по периметру основного корпуса, не показан киот в центральной стойке южного двойного портала.

Отсутствие фасадного декора — одно из немногих содержательных упущений в рассматриваемом плане. Впрочем, несмотря на преобладание тенденции ко все более последовательному и всестороннему отражению особенностей структуры фиксируемых объектов, наличие определенных приоритетов в отображении одних деталей и элемент схематизма в отношении других, всегда, в той или иной степени, присутствует в большинстве произведений ручной графики. Кроме того, создается ощущение, что легкий схематизм на данный план внесен намеренно, для придания чертежу подчеркнутого технично-делового характера.

Примечания

¹ Самый ранний из сохранившихся фиксационных планов Воскресенского собора, выполненный, очевидно, глазомерным способом, представлен на чертеже монастыря конца 1660-х годов. Там виден абрис основного корпуса храма с характерными пластическими особенностями — большим полу-круглым выступом ротонды на западе, и меньшим по радиусу, выступом заалтарного обхода на востоке, фланкированным с двух сторон плоскими участками восточного фасада, а также квадратным выступом колокольни в центре южной стороны. На месте Подземных церквей показан котлован прямоугольной формы.

² Несмотря на подпись, в качестве иллюстрации помещен не фрагмент чертежа, а рисунок, в произвольной форме передающий содержание соответствующего фрагмента рассматриваемого плана.

³ Судя по докладу В.В. Скопина на научно-практической конференции 2012 года, проходившей в Ново-Иерусалимском монастыре, сотрудники варшавской Национальной библиотеки так и не предоставили архивистам ЦНРПМ возможности воочию увидеть план и другие обнаруженные Ю.М. Денисовым графические материалы по Воскресенскому собору. Им были предоставлены только черно-белые негативы хорошего качества и техническая информация из служебного каталога.

⁴ По данным Ю.М. Денисова. В статье В.В. Скопина и

Е.Н. Осиповой приведены размеры с незначительной разницей — 38,5х70,5 см [3, с. 38].

⁵ См. замечания З. Батовского [21, с. 18—19], с которым полностью согласен Ю.М. Денисов [Там же, с. 5—6].

⁶ Кажется, к ним относится проектный разрез ротонды с шатром 1750 года, выполненный Ф.-Б. Растрелли.

⁷ О нем см. [23].

⁸ Вероятно, под сенью подразумевается великолепное, чеканно-резное барочное оформление Кувуклии. Его завершение в 1762 году (о чем, в частности, сообщает опись 1763 года [*Материалы Троицкого*, с. 252]) можно считать финальным аккордом всей барочной перестройки Воскресенского собора.

⁹ Архитектор создавал более-менее детализированный первичный чертеж (в современных критериях — «оригинал»), с него в мастерской делался официальный беловой вариант для заказчика («подлинник»), с которого, после его выдачи заказчику, по мере необходимости, уже без участия автора, делались официальные повторения (и в те времена, и сейчас их называют «копиями»). Такая система разработки и воспроизведения графики была наиболее эффективной с точки зрения оптимизации технологических аспектов процесса проектной деятельности, полностью учитывала потребности как архитектора-разработчика, так и заказчика; не случайно указанный порядок в более развитом и формализованном варианте сохраняется до сих пор в качестве обязательной нормы в отдельных видах проектной деятельности. Основное отличие нашего случая от процесса создания проектных чертежей связано с содержанием плана — это был фиксационный чертеж, следовательно, наиболее точной была именно первичная авторская работа («оригинал»), созданная непосредственно на основе обработки обмерных данных.

¹⁰ В свете указанной роли ротонды её кирпичный шатер 1680-х годов должен был быть ниже главы собственно собора — такое соотношение основных венчающих элементов существовало и в иерусалимском храме (с XII века и вплоть до пожара 1808 года), на что обратил внимание еще М.Б. Чернышев [1, с. 32]. Именно такой, сравнительно низкий, шатер над ротондой описан в смете к проекту архитектора И.Ф. Мичурина конца 1744 года [Там же]. Ввиду этих существенных обстоятельств мы пересмотрели свое мнение о габаритах кирпичного шатра ротонды Воскресенского собора, которое изложено в нашем раннем очерке на эту тему [26] и сейчас полностью поддерживаем мнение, высказанное М.Б. Чернышевым [27].

¹¹ Наряду с двумя римскими храмами (кафедральным собором на Латеране и базиликой св. Петра), базиликой в Вифлееме, октогональным храмом Вознесения на Елеоне и церковью Св. Апостолов в Константинополе (последняя известна очень плохо, поскольку еще при императоре Юстиниане была кардинально перестроена, а в 1460 году полностью разрушена).

¹² Из 20 первоначальных опор по периметру зала иерусалимской ротонды 8 были пилонами, сгруппированными парами по странам света. В четырех сегментах между ними стояло 12 колонн, что напрямую коррелирует с числом Апостолов.

¹³ Важнейшими особенностями иерусалимской ротонды является отсутствие монолитного кольца массивных внешних конструкций, имеющих строго цен-

трический абрис, а также наличие галереи со свободно стоящими колоннами по периметру зала. По-видимому, первоначально ротонда иерусалимского храма представляла собой огромную открытую экседру с тремя малыми экседрами и портиком по периметру, формирующим полукруглый внутренний двор, в центре которого стояла эдикула с пещерой Гроба Господня; по-видимому, только спустя какое-то время это сооружение было перестроено в купольную ротонду (см., например, реконструкцию К.Д. Ко-нанта [32, с. 49]). Для сравнения — две ротонды, входящие в комплекс построенной при императоре Константине базилики св. Петра в Риме, ровно как и мавзолей императрицы Елены, расположенный также в Риме, не имели никаких отклонений от классического типа ротонды, олицетворением которого является Пантеон.

¹⁴ С учетом высочайшего статуса иерусалимской святыни, возможность сознательного присутствия в замысле базилики некоего универсалистского, общехристианского оттенка, все же не стоит окончательно упускать из виду.

¹⁵ Сnivelировать эпохальные различия в значительной степени помогла преемственность развития пространственных форм в европейской архитектуре. Тема деамбулатория в средневековом церковном зодчестве Запада не могла развиваться без влияния ротонды Гроба Господня. Её структуру в половинчатом варианте как бы воспроизводили в алтарной части храма, для чего имелись фундаментальные теологические предпосылки — литургическое равенство алтаря и Гроба Господня. В каролингской архитектуре деамбулатории имеют весьма скромный характер. Остатки одного из самых ранних заалтарных обходов с венцом капелл, датируемого около 1000 года, были обнаружены при раскопках базилики св. Мартина в Туре — см. обзорный очерк Э. Галля [35]. Влияние образа иерусалимской ротонды с её рядом мощных гладкоствольных коринфских колонн по периметру можно заметить даже в алтарных частях крупнейших готических соборов, архитектура которых, казалось бы, не может иметь ничего общего с античным зодчеством и эстетическими принципами, лежащими в его основе (пример — главная апсида Руанского собора).

¹⁶ Вместе с тем, в среде исследователей советской эпохи стихийно сложилась не вполне корректная терминология, которая больше имеет характер профессионального жаргона, чем научно обоснованных понятий. Они сильно укоренились и нередко встречаются даже в современных публикациях. Особенно выделяется термин «крестовая часть», использовавшийся для обозначения восточной половины основного корпуса собора. В семантическом аспекте подобный термин так же безлик, как и двусмыслен. Во-первых, он не имеет соответствий в системе устоявшейся научной терминологии, используемой профессиональными историками архитектуры. Во-вторых, по созвучию он отсылает к сугубо церковной терминологии, не имеющей отношения к архитектуре — «крестовая палата», «крестовый дык» и т.д. Корректными для описания рассматриваемой части здания нам видятся такие определения, как «основное внутреннее (крестообразное в плане) пространство базилики», «базиликальная часть собора», или, в крайнем случае, «восточная половина основного корпуса собора».

¹⁷ Происхождение этого странного скоса плоскости

восточного фасада мы можем связать разве что с особенностью отображения восточной стены придела Успения иерусалимского храма на одном из основных источников строительства патриарха Никона — плане первого яруса иерусалимского храма из трактата о. Б. Амика, который был неоднократно опубликован [2, с. 20; 6, с. 147; 7, с. 21; 8, с. 81; 11, с. 52; 12, с. 204; 14, с. 45; 15, с. 69; 39, с. 146].

¹⁸ Ретрохор, или осевая капелла (от лат. *retro chorus* — «за алтарной частью») — капелла заалтарного обхода, находящаяся на продольной оси здания, строго за главным алтарем. Её возникновение, по всей видимости, относится к каролингской эпохе [38]. В период зрелого средневековья ретрохор как важный самостоятельный элемент получил распространение в готических соборах северо-восточной Франции и Англии, где он нередко имеет более крупные размеры, чем остальные капеллы деамбулатория, и, как правило, посвящение Богородицы, что нередко используется в языках этих стран как нарицательное (фр. *Chapelle de la Vierge*; англ. *Lady Chapel*). В Германии ретрохор почти не был распространен, можно указать только несколько примеров, появившихся под воздействием французских образцов (Собор в Хальберштадте, церковь св. Девы Марии в Любеке).

¹⁹ На эту важную особенность Воскресенского собора когда-то обратил наше внимание архитектор-реставратор В.П. Гришин.

²⁰ Вероятно, архитектор и не имел возможности полностью обмерить это помещение. Из актов конца 1720—1730-х годов [*Материалы Троицкого*, с. 41, 44—45] видно, что в одном из помещений заалтарного обхода были складированы листы позолоченной меди с главы каменного шатра, собранные после его обрушения в 1723 году. Они представляли большую ценность, а Аврамова палатка, в которой, кроме двери, первоначально было только одно небольшое окошко, выходившее в соседний придел Архангела Михаила, идеально подходила на роль сейфа внутри здания.

²¹ Крест св. Елены была выстроена крестоносцами между массивными, расположенными строго параллельно друг другу и осям ротонды, фундаментными стенами базилики императора Константина Великого.

²² Подземная церковь возводилась на завершающем этапе строительных работ, в начале 1680-х годов, когда основной корпус был почти завершен. На это указывает сообщение описи 1679 года: «позади олтарей каменной церкви во рву колодезь» [25, с. 153]. Следовательно, к концу пребывания патриарха Никона в Воскресенском монастыре к востоку от заалтарного обхода был только вырыт котлован под Подземную церковь с дренажным (?) колодцем на дне. Вероятно, во время разбивки контуров Подземной церкви (перед самым началом строительных работ) её оси были выстроены как перпендикуляры к плоскостям восточного фасада основного корпуса, что и привело к легкому склонению всей системы крипты к югу.

²³ Планы М. Казакова (после 1792 года), Ф. Рихтера (опубликован в 1854 году), коллектива треста «Мособлстройреставрация» (завершен в 1982 году). Но гораздо раньше подобный принцип был применен в обмерных чертежах иерусалимского храма францисканского монаха о. Б. Амика (до 1609 года).

²⁴ Для его расчета нами были выбраны такие габаритные размеры основного корпуса здания, которые в натуре легко промерить и в которых возможная

ошибка как измерения, так и искажения (при вычерчивании оригинала, подлинника и его последующих копированиях), надо полагать, имеют самые минимальные значения. Это две величины — общая ширина основного корпуса собора по оси север-юг (проходящей через подкупольный квадрат) и длина главного (южного) фасада голгофской пристройки.

²⁵ В описи 1685 года этому посвящен обширный пассаж, но апелляция в нем скорее обращена к первоисточнику, чем к самому Воскресенскому собору, — никаких приделов в конце XVII — середине XVIII века в стене ротонды Воскресенского собора устроено не было; имевшиеся помещения были слишком малы и могли подойти разве что для небольших часовен.

²⁶ На этой странице в работе Л.Э. Тепфера имеется опечатка: примечания 28 и 29 в основном тексте имеют ошибочные номера 30 и 31.

²⁷ Этот важный графический источник по истории Воскресенского собора до сих пор плохо исследован. Вопросы его датировки, атрибуции и содержательных особенностей требуют отдельной обстоятельной публикации. Оригинал гравюры — [43, № 331 (с. 342, 347, 351); 44, № 146 (с. 99, 106); 14, с. 83]. В литературе, посвященной Воскресенскому собору, чаще встречается лубочный вариант, имеющий незначительные сюжетные отличия от оригинала [2, с. 24 (перепутаны подписи с илл. на с. 26); 7, с. 46, 123; 8, с. 80; 9, с. 116 (фрагмент); 11, с. 53; 12, с. 205; 45, с. 120].

²⁸ Западная палатка голгофской пристройки представляет собой нижний ярус входа в церковь Воздвижения Креста. В письменных источниках XVII—XVIII веков этот вход именуется «всходом», или «рундуком».

²⁹ В недавней статье Л.А. Беляева [15, с. 79] трактовка этого фрагмента описи 1685 года излишне сложна и запутана.

³⁰ В таком виде стена сторожки отражена и на графической реконструкции южного фасада Воскресенского собора на конец XVII века, выполненной архитектором Л.Э. Тепфером [42, с. 130].

³¹ Из 14 малых окон, попавших в сечение чертежа, первоначальное изразцовое обрамление после перестройки 1756—1762 годов сохранили только 5 окон на южном и восточном фасадах голгофского комплекса приделов; еще 5 окон сохранилось на фасадах ротонды, но они представляют собой реконструкцию архитектора И.Ф. Мичурина (1732 год) и выполнены в ином материале (камне), но с сохранением первоначальных габаритов и профилировки [1, с. 31; 5, с. 184—185, 186—187].

³² После перестройки 1756—1762 годов из 13 первоначальных больших наличников уцелели только 3. Из них 2 — на фасадах первого яруса колокольни (южный наличник утрачен в 1941 году; реконструирован при недавнем восстановлении колокольни) и 1 — на восточном фасаде придела Успения Богородицы. После ремонта 2009—2016 годов на фасадах собора появился четвертый большой керамический наличник — он был воссоздан на месте барочного обрамления окна придела свв. 12-ти и 70-ти апостолов.

³³ На этой странице в работе Л.Э. Тепфера имеется опечатка: прим. 28 и 29 в основном тексте имеют ошибочные номера 30 и 31.

³⁴ См. сводный фиксационно-хронологический план собора (илл. 4). Существование большого окна придела св. Марии Магдалины заметно и с внешней сто-

роны здания — до начала ремонтных работ 2009—2016 годов, на северном фасаде, по бокам от более позднего барочного обрамления, под штукатуркой просматривались следы стесанных краев остроугольного фронтона. Это свидетельствует о первоначальном существовании на этом месте наличника, который был полностью идентичен сохранившемуся наличнику алтарного окна придела Успения Богоматери в северной части восточного фасада собора.

³⁵ Источник упоминает в пещере 2 окна. Возможно, проем в своде пещеры, пробитый одновременно с окном, был первоначально застеклен.

Источники

Клименко — Клименко С.В. Архитектурная деятельность И.Ф. Мичурина (1720—1750-е годы). Дисс. на соиск. уч. ст. канд. архитектуры. — М.: Московский архит. ин-т (Гос. академия), 2002. — 290 с., [1] л., ил.

Материалы Троицкого — Виноградова И.К., Губаревич О.К. Материалы проф. В.И. Троицкого «К истории зодчества на Истре». Машинопись. — М.: ЦНРМ Академии строительства и архитектуры СССР, 1957—1958 // *Бугаева Т.В.* Ново-Иерусалимский монастырь. Историко-архивные исследования. Машинопись. Т. 5 (Материалы проф. В.И. Троицкого). — М.: Трест «Мособлстройреставрация», 1978. — 254 с. *ЕСКД* — ГОСТ 2.102–2013. Единая система конструкторской документации. Виды и комплектность конструкторских документов. — М.: Стандартинформ, 2014. — 13 с., табл.

Список литературы

1. Бугаева Т.В., Гришин В.П., Тепфер Л.Э., Чернышев М.Б. Работы И.Ф. Мичурина по восстановлению Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря // *Архитектурное наследие*. — М.: Стройиздат, 1988. — Вып. 35. — С. 28—33.
2. Стахин В.Г. Графические материалы по истории строительства, ремонта и реставрации Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря // *Реставрация и исследования памятников культуры*. — М.-СПб.: Издательский дом «Коло», 2013. — Вып. 6. — С. 15—28.
3. Скопин В.В., Осипова Е.Н. Новые находки в архивах Варшавы и Стокгольма // *Реставрация и исследования памятников культуры*. — СПб.-М.: Издательский дом «Коло», 2012. — Вып. 5. — С. 37—41.
4. Бугаева Т.В., Гришин В.П., Тепфер Л.Э., Чернышев М.Б. Новые исследования строительной истории Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря // *Материалы творческого отчета треста «Мособлстройреставрация»*. — М.: трест «Мособлстройреставрация», 1984. — С. 28—34.
5. Тепфер Л.Э. Новые данные о керамическом декоре Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря // *Коломенское. Материалы и исследования*. — М.: Московский Инженерно-Информационный центр, 1993. — Вып. 5, ч. 2. — С. 177—195.
6. Зеленская Г.М. «Преграды церковные» Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря в XVII веке // *Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим»*. Сборник статей. — М.: Северный паломник, 2002. — С. 144—154.
7. Зеленская Г.М. Новый Иерусалим. Путеводи-

КОПИЯ С ПЛАНА ПЕРВОГО ЯРУСА ВОСКРЕСЕНСКОГО СОБОРА НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОГО МОНАСТЫРЯ АРХИТЕКТОРА И.Ф. МИЧУРИНА. ЧАСТЬ 1

тель. — М.: Радуга, 2003. — 384 с., ил.

8. Зеленская Г.М. Новый Иерусалим. Образы дольного и горнего. Альбом-антология. — М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2008. — 288 с., ил.

9. Толстопятенко Е.И. Графическая реконструкция Подземной церкви Свв. Константина и Елены в Ново-Иерусалимском монастыре на основе вновь выявленных архивных данных и исследований в натуре // Реставрация и исследование памятников культуры. — М.-СПб.: Издательский дом «Коло», 2014. — Вып. 7. — С. 114—122.

10. Зеленская Г.М. Реставрационные и научно-исследовательские работы по Воскресенскому собору во 2-й половине 1990-х годов // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сборник статей. — М.: Северный паломник, 2002. — С. 185—204.

11. Зеленская Г.М. Святыни Нового Иерусалима. — М.: Северный паломник, 2002. — 432 с.

12. Зеленская Г.М. Патриарх Никон — зодчий Святой Руси. — М.: Православный Паломник, 2011. — 320 с., ил.

13. Зеленская Г.М. Символика изразцов Нового Иерусалима. — М.: Индрик, 2012. — 400 с., ил.: [Электронный ресурс]. URL: <http://patriarh-nikon.ru/> (дата обращения: 02.08.2017).

14. Крючкова М.А. Новый Иерусалим сквозь века. — М.: Лето, 2011. — 320 с., ил.

15. Беляев Л.А. Капелла франков в Новом Иерусалиме? Архитектурно-археологические объекты у южного фасада Воскресенского собора (предварительное сообщение) // Архитектурное наследство. — М.-СПб.: Издательский дом «Коло», 2016. — Вып. 65. — С. 68—83.

16. Русская архитектура первой половины XVIII века. Исследования и материалы / Под ред. акад. И.Э. Грабаря. — М.: Гос. изд-во литературы по строительству и архитектуре, 1954. — 416 с., ил.

17. Михайлов А.И. Архитектор Д.В. Ухтомский и его школа. — М.: Гос. изд-во лит-ры по строительству и архитектуре, 1954. — 372 с., ил.

18. Денисов Ю.М., Петров А.Н. Зодчий Растрелли. Материалы к изучению творчества. — Л.: Гос. изд-во лит-ры по строительству, архитектуре и строит. материалам, 1963. — 204 с., ил.

19. Архитектор Дмитрий Васильевич Ухтомский. 1719—1774. Каталог выставки / Гос. науч.-исслед. музей архитектуры им. А.В. Щусева. — М.: Стройиздат, 1973. — 96 с., ил.

20. Архитектурная графика России. Первая половина XVIII века. Собрание Эрмитажа. Научный каталог / Авторы-сост. Воронихина А.Н., Калязина Н.В., Коршунова М.Ф., Петрова Т.А. — Л.: Искусство, 1981. — 170 с., ил., [5] с. табл.

21. Батовский З., Денисов Ю.М., Грязнова А.Ю., Ластовка С.З. Архитектор Растрелли о своих творениях. — СПб.: Студия Александра Зимина, 2000. — 118 с., ил.

22. Клименко С.В. Мичурин, Иван Федорович // Словарь архитекторов и мастеров строительного дела Москвы XV — середины XVIII века / Ред. Бондаренко И.А., Бусева-Давыдова И.Л., Клименко С.В., Николаева М.В. — М.: URSS, 2008. — С. 413—417.

23. Клименко С.В. Яковлев, Иван Яковлевич // Словарь архитекторов и мастеров строительного дела Москвы XV — середины XVIII века / Ред. Бондаренко И.А., Бусева-Давыдова И.Л., Клименко С.В., Николаева М.В. — М.: URSS, 2008. — С. 656—657.

24. Сковцов Н.А., протоиерей. Архив московской Св. Синода канторы. Материалы по Москве и Московской епархии за XVIII век. — М.: Типография Т-ва Рябушинских, 1914. — Вып. 2. — 811 с.

25. Леонид, архимандрит. Историческое описание Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. — М.: Университетская типография (Катков), 1876. — IV, 768, II с., 1 л. фронт. (портр.).

26. Акинин К.В. Об облике первоначального шатра Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря // Архитектурная наука и образование. Труды Московского архитектурного института. — М.: Архитектура-С, 2003. — Т. 3. — С. 84—94.

27. Акинин К.В. Смета архитектора Ивана Мичурина 1744 г. как источник для реконструкции габаритов кирпичного шатра над ротондой Воскресенского собора: [Электронный ресурс]. URL: <http://rusarch.ru/akinin2.htm> (дата обращения: 12.09.2017).

28. Vincent H., Abel F.-M. Jérusalem: recherches de topographie, d'archéologie et d'histoire. — Paris: Librairie Victor Lecoffre; J. Cabalda Editeur, 1914. — Т. II. Jérusalem nouvelle. — XXXI, 419 с., ил., табл.

29. Schmaltz K. Mater ecclesiarum, die Grabeskirche in Jerusalem: Studien zur Geschichte der kirchlichen Baukunst und Ikonographie in Antike und Mittelalter. — Strassburg: J. H. Ed. Heinz, 1918. — 510 s., [14] s. tabl.

30. Jeffery G. A brief description of the Holy Sepulchre, Jerusalem, and other Christian churches in the Holy City, with some account of the mediaeval copies of the Holy Sepulchre surviving in Europe. — Cambridge: University Press, 1919. — XII, 233 p., il.

31. Corbo V. Il Santo Sepolcro di Gerusalemme. — Jerusalem: Franciscan Printing Press, 1981—1982. — Parte I—III. — 235 s., il., [6] s. tabl.; [68] tabl.; [208] tabl.

32. Krüger J. Die Grabeskirche zu Jerusalem: Geschichte — Gestalt — Bedeutung. — Regensburg: Schnell und Steiner, 2000. — 279 s., il. [1] s. card.

33. Pringle, D. The Churches of the Crusader Kingdom of Jerusalem. A Corpus. — Cambridge: University Press, 2007. — Vol. III. The City of Jerusalem. — XXVI, 506 p., il., tabl.

34. Беляев Л.А. Этапы строительной истории // Беляев Л.А., Лисовой Н.Н. Гроба Господня (Воскресения Христова), храм в Иерусалиме // Православная энциклопедия. — Т. 13. — С. 124—136: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/168155.html> (дата обращения: 12.09.2017).

35. Gall E. Chorumgang // Schmitt, Otto [Hrsg.]. Reallexikon zur deutschen Kunstgeschichte. — Bd. 3. Buchpult — Dill. Stuttgart, 1954. — S. 575—589 // RDK Labor: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rdklabor.de/wiki/Chorumgang> (дата обращения: 12.09.2017).

36. Camus M.-Th. De la façade à tour(s) à la façade-écran dans les pays de l'Ouest : l'exemple de Saint-Jean-de-Montierneuf de Poitiers // Cahiers de civilisation médiévale, 34e année (№ 135—136), Juillet-décembre 1991: La façade romane. Actes du Colloque international organisé par le Centre d'Etudes Supérieures de Civilisation Médiévale. — Poitiers, 26-29 septembre 1990. — P. 237—253: [Электронный ресурс]. URL: http://www.persee.fr/doc/ccmed_0007-9731_1991_num_34_135_2497 (дата обращения: 12.09.2017).

37. Orłowski T.H. La façade romane dans l'Ouest de la France // Cahiers de civilisation médiévale, 34e année (№ 135—136), Juillet-décembre 1991: La façade romane. Actes du Colloque international organisé par le Centre d'Etudes Supérieures de Civilisation Médiévale. — Poitiers, 26-29 septembre 1990. — P. 367—377: [Электронный ресурс]. URL: http://www.persee.fr/doc/ccmed_0007-9731_1991_num_34_135_2509 (дата обращения: 12.09.2017).

38. Sauerländer W. Façade ou façades romanes? Discours de clôture // Cahiers de civilisation médiévale, 34e année (№ 135—136), Juillet-décembre 1991: La façade romane. Actes du Colloque international organisé par le Centre d'Etudes Supérieures de Civilisation Médiévale. — Poitiers, 26-29 septembre 1990. — P. 393—401: [Электронный ресурс]. URL: http://www.persee.fr/doc/ccmed_0007-9731_1991_num_34_135_2512 (дата обращения: 12.09.2017).

39. Иоаннисян О.М. Храмы-ротонды в Древней Руси // Иерусалим в русской духовной культуре / Ред.-сост. А.Л. Баталов, А.М. Лидов. — М.: Наука (Восточная литература), 1994. — С. 100—147.

40. Вдовиченко М.В. Архитектура больших соборов XVII века. — М.: Индрик, 2009. — 400 с., ил.

41. Ильин М.А. Проблема «московского барокко» XVII века // Ежегодник Института истории искусств. 1956. Скульптура. Живопись. Архитектура. — М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. — С. 324—339.

42. Тепфер Л.Э. Реконструкция Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря на конец XVII века // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сборник статей. — М.: Северный паломник, 2002. — С. 119—132.

43. Святая Земля в русском искусстве: каталог выставки / Гос. Третьяковская галерея. — М.: ГТГ, 2001. — 368 с., ил.

44. Елизавета Петровна и Москва: каталог выставки / Гос. Третьяковская галерея. — М.: Арт-Волхонка, 2010. — 220 с., ил.

45. Тепфер Л.Э. История истринской керамики в свете новых исследований // Материалы творческого отчета треста «Мособлстройреставрация». — М.: Трест «Мособлстройреставрация», 1984. — С. 148—152.

Акинин Кирилл Валериевич, архитектор, род. в 1982 году в Москве, в 2006 году окончил Московский Архитектурный институт, в 2006—2009 годах аспирант НИИТИАГ РААСН.

A COPY OF ARCHITECT IVAN F. MICHURIN'S MEASUREMENT PLAN OF THE GROUND FLOOR LEVEL OF THE RESURRECTION CATHEDRAL OF THE NEW JERUSALEM MONASTERY. PART 1

Kirill V. Akinin
(Moscow, Russian Federation)

The earliest surviving measurement plan of the ground floor level of the Resurrection Cathedral of the New Jerusalem Monastery was made by the architect Ivan F. Michurin in 1731. It exists only in a copy of the mid-18th century. This is the unique graphic source that has documented the structure of the Cathedral at the initial stage, before the great reconstruction in the baroque style of 1756—1762.

Key words: plan, drawing, architectural drawing, Resurrection Cathedral of the New Jerusalem Monastery, New Jerusalem Monastery, architect Ivan F. Michurin, measurement plan, Cathedral floorplan, Modern history, Baroque